
Королевская Гавань

Три дня спустя

Тирион

Флэшбек (воспоминание)

Глава 26. Смертельная викторина в день лавины

Контурсы окружающего пространства медленно проступали сквозь мрак, подобно скалам, поднимающимся из морских глубин.

Ли Цзяньчуань внимательно наблюдал за тем, как проясняется его зрение. Сосредоточив волю и сохраняя предельную бдительность, он замер в ожидании, готовый мгновенно среагировать на любую угрозу.

Однако здесь, судя по всему, опасности не было.

Ли оказался в тесной, обшарпанной камере площадью чуть меньше двадцати квадратных метров — именно такой карцер он и ожидал увидеть. Окон в помещении не было, лишь тяжелая железная дверь, будто намертво приваренная к стене. В верхней её части виднелось узкое зарешеченное окошко, сквозь которое снаружи просачивался тусклый, сумеречный свет. Слабые лучи выхватывали из темноты участки облезлой краски на перегородках и висящие на стене электронные часы.

Освещение отсутствовало, но чернильные волны тьмы, мешавшие мужчине прежде, уже отступили. Благодаря способности видеть в темноте, этот сумрак почти не отличался для него от яркого дня.

У дальней стены стояла узкая кровать. Белая простыня на ней была покрыта огромными, затвердевшими пятнами крови и источала тошнотворное зловоние гнили. Ли Цзяньчуань стоял как раз у края этого ложа.

Наклонившись, он попытался сдвинуть койку с места, но та даже не шелохнулась. Несмотря на приложенную силу, мебель оставалась неподвижной, хотя осмотр показал, что ножки не приварены к полу. Вероятно, эта непреодолимая сила имела иную, не поддающуюся научному объяснению природу. Впрочем, само его присутствие в этой игре уже само по себе было за

гранью науки.

Ли детально обследовал каждый дюйм кровати, но ничего не нашел. Тогда он переключил внимание на остальное убранство комнаты. Обстановка была скудной: помимо ложа, напоминавшего место жестокого убийства, здесь стоял письменный стол с тремя ящиками и висел хронометр. Но больше всего выделялась стена, сплошь заклеенная окровавленными фотографиями вспоротых тел.

Подойдя к столу, Ли заметил приколотую кнопкой записку. На ней красовалась та самая фраза, которую он уже видел во тьме и невольно произнес вслух: «Ты — Наставник?». Иероглифы были выведены от руки — именно поэтому он, не раздумывая, прочитал их в первый раз на чистом рефлексе.

На столешнице больше ничего не было. Ли один за другим выдвинул ящики: первые два оказались пустыми, без двойного дна или скрытых полостей. Третий же был заперт на кодовый замок. Попытка открыть его силой ни к чему не привела — очевидно, требовался пароль.

Стрелки электронных часов на стене мерно отсчитывали секунды. Было начало десятого. Ли Цзяньчуань предположил, что оказался здесь ровно в девять.

Он повернулся к стене с фотографиями. Зрелище было по-настоящему жутким. Снимков было великое множество — Ли насчитал ровно пятьсот двадцать штук. Каждый размером не больше половины ладони. Они были приклеены каким-то странным составом: краев не нащупать, содрать почти невозможно. Любая попытка применить силу грозила просто уничтожить кадры.

Впрочем, рассматривать там было нечего. Каждое изображение представляло собой кровавое месиво — фрагмент человеческого тела. На снимках, напоминавших отчеты с места расчленения, металлические инструменты оттягивали кожу, разрезали мышцы или обнажали кости. Ракурсы были странными: съемка велась вплотную, будто через увеличительное стекло. Не было видно ни самого человека на операционном столе, ни окружения — лишь холодная, липкая жестокость крупным планом.

Некоторое время Ли Цзяньчуань изучал эти свидетельства боли. Несмотря на фрагментарность, он пришел к выводу, что на всех снимках запечатлен один и тот же мужчина. Судя по всему, он принадлежал к азиатской расе, а по развитию органов и скелета можно было судить, что фотографии охватывали весь период его взросления — примерно с десяти до восемнадцати лет.

Ли не мог понять, какую цель преследовала эта бесконечная операция, но на инстинктивном уровне почувствовал глубокое отвращение.

Закончив осмотр зловещей галереи, он тщательно простучал стены, пол и потолок. Никаких тайников. Железная створка была заперта наглухо, а решетка на окошке не поддавалась даже его силе. Ли выглянул наружу, но не увидел ничего — за пределами камеры царил абсолютная неизвестность. Он был заперт в каменном мешке.

Ли Цзяньчуань прислонился к краю стола. Половина его лица была залита призрачным светом, чье происхождение оставалось неясным. В груди нарастало глухое беспокойство.

Он взглянул на часы. С того момента, как он попал сюда, прошло уже полчаса. Значит, он уже тридцать минут не видел Нин Чжуня.

Несмотря на то, что доктор был опытным ветераном, знающим об этой игре куда больше него, Ли не мог унять тревогу, переходящую в глухое раздражение. Он не знал, в каком положении оказался его напарник. Рассказ Нин Чжуня о «подземном переходе» был довольно туманным — казалось, тот что-то скрывал.

Ли Цзяньчуань предположил, что пространство за второй дверью для каждого игрока может быть уникальным. Скорее всего, этот карцер и был тем самым местом, скрытым за второй «тюремной» дверью коридора.

Перед тем как лавина накрыла их в последний раз, Нин Чжунь велел ему:

— Верь тому, что видишь.

Поэтому, оказавшись здесь, Ли первым делом коснулся своей спины. Царапины, оставленные пальцами доктора, всё еще были там и ощутимо саднили. Значит, это не сон. Они действительно вошли внутрь.

Ли принялся по крупицам восстанавливать в памяти события после трех лавин.

В первый раз на деревянной двери в начале туннеля он увидел стихи иностранного поэта. Прочитав их, он открыл проход и столкнулся с Вратами из плоти и крови, усеянными глазами. Затем, у второй, тюремной двери, он услышал вопрос о Наставнике. Он ответил «нет», и монстр, высунувшийся из окошка, задушил его.

Во второй раз он снова оказался в туннеле. Помня наставление Нин Чжуня, он убедился, что это его настоящее тело, а не плод воображения. Стихи на входе изменились, в них явно крылся какой-то намек. Он снова прочитал их вслух — хотя и не понимал, почему делает это, будто повинувшись подсознательному импульсу. На этот раз двери из плоти не было, он сразу попал к тюремной камере. Услышав тот же вопрос, Ли ответил «да», и чья-то рука втолкнула его внутрь.

В третий раз всё началось с темноты и светящихся золотом слов. Пространство, словно попугай, повторяло за ним каждую фразу. Перед самым исчезновением Ли показалось, что он слышит собственный голос снаружи, отвечающий «нет».

Сложив все факты воедино, Ли Цзяньчуань почувствовал, как по спине пробежал холодок. Ошибся ли он, или снаружи действительно кто-то был? И если был, то не он ли сам?

Если это так, то сложность задачи возрастала многократно. Если он находится внутри карцера, а снаружи стоит его копия, то это может быть только он сам из другой временной шкалы.

подавив глубокое беспокойство, Ли решил ждать. Тишина нарушалась лишь мерным тиканьем часов, которое странным образом совпадало с ритмом его собственного сердца. Свет за дверью постепенно угасал.

Ли замер, превратившись в неподвижную статую. Он сосредоточенно вслушивался в каждый звук за железной преградой. Когда стрелки приблизились к полуночи, он закрыл глаза.

Согласно правилам, его Закон обязывал его оставаться с закрытыми глазами с двенадцати до часу ночи. Понятие времени в этой игре было субъективным: Закон действовал тогда, когда сам игрок считал, что наступила полночь. Лишь секундная стрелка миновала отметку двенадцати, как снаружи раздались шаги.

Они были легкими, уверенными и быстрыми. Так ходит человек с отличной физической подготовкой, привыкший к скрытности и осторожности. Этот человек явно опасался неизвестности и старался не выдавать своего присутствия. Ли Цзяньчуань узнал бы этот почерк из тысячи — за долгие годы службы это стало и его второй натурой.

У входа послышался шепот стихов, возник тусклый отблеск свечи. Ли не открывал глаз, но по интонации и манере речи он окончательно убедился: за дверью стоял он сам.

И в этот момент стены мрачной камеры отозвались гулким эхом:

— Ты... Наставник?

Голос был точной копией его собственного, когда он в сомнении читал записку на столе. Но здесь, отражаясь от камня, он звучал дрожаще и зловеще. Просачиваясь сквозь узкое окошко, он терял всякое сходство с живой речью Ли Цзяньчуаня.

Услышав это, Ли одним прыжком оказался у двери. Не открывая глаз, он принялся яростно бить кулаками в железные прутья окошка, срываясь на крик:

— Не отвечай! Слышишь?! Не вздумай отвечать!

Но его голос, казалось, упирался в невидимую преграду. Пальцы не могли просунуться сквозь решетку, даже его умение изменять суставы не помогало высунуть руку наружу. Все усилия были тщетными. Сквозь собственный крик он отчетливо услышал, как его копия снаружи холодно произнесла:

— Да.

В ту же секунду раздался сухой щелчок.

Ли почувствовал, как створка под его руками поддалась, будто замок открылся. Но на внутренней стороне не было ручки. Он изо всех сил рванул за прутья решетки, но железная преграда даже не шелохнулась. Секундное колебание показалось ему галлюцинацией.

Набравшись терпения, Ли начал наблюдать. Вскоре он осознал закономерность: его «прошлое я» приходило к двери каждые двенадцать часов. Ли Цзяньчуань не мог отличить полдень от полуночи, поэтому каждый раз при достижении стрелками двенадцати закрывал глаза на час. Он подозревал, что даже с открытыми глазами не увидел бы пришельца.

Каждый раз его двойник снаружи повторял те же ответы, что давал он сам прежде. Если звучало «нет» — пришелец бесследно исчезал. Если «да» — замок щелкал, а дверь едва заметно содрогалась, словно вот-вот распахнется. Кроме того, Ли заметил одну странность: после ответа «да» в камеру снаружи просачивался едва уловимый, почти призрачный запах крови. Если бы не его исключительное обоняние, он бы никогда не зафиксировал этот мимолетный аромат.

За время этих бесконечных циклов мужчина испробовал сотни способов наладить связь с собой или сбежать. Всё было безуспешно. Он нынешний не мог повлиять на себя из прошлого. А если его прошлое «да» обрекало его на заключение, и он не мог помешать себе ответить именно так, то он оказывался в вечной ловушке.

Разбить цикл с этой стороны было практически невозможно.

Ли Цзяньчуань временно оставил эти попытки. В свободное от Закона время он принялся заново изучать каждый предмет в комнате: запертый ящик, часы, стену с изображениями. Он даже снял и разобрал хронометр, стараясь не повредить механизм, чтобы не потерять единственный ориентир.

Никаких зацепок.

Когда двадцать седьмой цикл подошел к концу, Ли пришлось остановиться. Он понимал: если так пойдет и дальше, его воля, которой он всегда гордился, даст трещину. Одиночество и замкнутое пространство в цикличной ловушке — идеальные условия для того, чтобы человек незаметно для самого себя соскользнул в бездну отчаяния.

Он проспал несколько часов, пытаясь очистить разум.

Проснувшись, Цзяньчуань на автомате потянулся в сторону, надеясь ощутить тепло. Но его ладонь встретила лишь пустоту.

«Того, кто так любил засыпать в моих объятиях, здесь больше нет»

Осознание этого отозвалось в груди мужчины тяжелой, тупой болью. Воздух стал совсем затхлым, Ли стало трудно дышать. Он глубоко вдохнул, поднялся с пола и снова подошел к столу, намереваясь еще раз осмотреть запертый ящик.

Однако на этот раз, прежде чем наклониться, он бросил взгляд на записку.

Кто такой Наставник? И кто адресовал это послание?

Мужчина нахмурился, вглядываясь в почерк. У него возникло странное чувство, будто все эти десятки часов он подсознательно игнорировал этот клочок бумаги. Это было в высшей степени ненормально. С его дотошностью он не мог просто так пропустить ни одну деталь.

Вспомнив, какая реакция последовала после его первого прочтения, Ли решил рискнуть. Он снова произнес, на этот раз ровно и четко:

— Ты — Наставник?

От долгого молчания голос звучал необычайно хрипло и низко, в нем сквозила усталость только что пробудившегося человека.

Ли подождал, но комната никак не отреагировала. На этот раз эхо не стало повторять его слова. Он вздохнул и уже собирался снова заняться замком, когда краем глаза уловил движение: одна из фотографий на стене отклеилась и упала на пол.

Он мгновенно подобрал её. На поверхности осталось пустое место в первом ряду.

На снимке была запечатлена рука с полностью срезанной плотью. Судя по размеру и развитию костей, это была конечность ребенка. Ли перевернул фото. На обороте виднелись две строчки на английском:

«Этап первый: электрошоковое усмирение подопытного. Предварительные результаты: подопытный проявляет исключительную стойкость воли, очистка памяти наталкивается на препятствия. Рекомендация: принудительная ликвидация».

И само фото, и надписи выглядели ветхими, словно им было много лет. Ли Цзяньчуань понял: здесь проводились бесчеловечные эксперименты над людьми.

Он нахмурился, пытаясь разглядеть детали на снимке. Но стоило его взгляду коснуться изображения изуродованной руки, как мощнейший электрический разряд прошел его тело от пальцев до самых пяток. Дикая боль мгновенно сковала мышцы, будто в голову ударила молния.

Ли Цзяньчуань с силой отбросил карточку, но шок не прекратился.

Это не было похоже на тот удар током, который он получил, когда впервые попал в лабораторию Нин Чжуня. Тот разряд был неприятным, но не смертельным. Несмотря на дурную славу доктора и его жестокие опыты, Ли подозревал, что тогда за нападением стоял кто-то другой. Но этот ток был иным.

Мужчина рухнул на пол в конвульсиях, его глаза непроизвольно закатились. Казалось, чья-то рука, обмотанная раскаленной под напряжением проволокой, мертвой хваткой сжала его сердце. Боль была невыносимой. К ней примешивалось ледяное онемение — предвестник того, что жизнь вот-вот оборвется.

Это было подлинное ощущение близости смерти.

Ли Цзяньчуань отчетливо чувствовал, как теряет власть над собственным телом, как угасает восприятие, как разум погружается в небытие. За свою жизнь он не раз бывал на грани, и этот вкус смерти был ему знаком. Он не знал, будет ли эта гибель окончательной или игра снова перезапустится.

В голове гудело, накатывала тошнота, тело содрогалось в судорогах. Он до крови прикусил язык, отчаянно цепляясь за сознание, не давая себе провалиться в забытие.

В тот момент, когда Ли уже решил, что это конец, пытка прекратилась.

Он лежал на полу, насквозь промокший от пота, словно его только что вытащили из ледяной воды. Мышцы еще продолжали мелко подрагивать. Переведя дух, мужчина, опираясь о стену, поднялся и снова посмотрел на злополучный снимок. На этот раз удара не последовало, но и новых зацепок он не нашел.

Он обвел взглядом стену, сплошь усеянную фотографиями. Если за каждой из них скрывается подобная информация, то он скоро узнает правду об этом месте.

Ли вернулся к столу и начал методично, раз за разом повторять фразу из записки. Но, к его удивлению, больше ничего не произошло. Словно упавшая карточка была лишь случайностью.

Поняв, что словами делу не поможешь, Ли решил действовать грубой силой. Инструментов в камере не было, поэтому он вытащил кнопку из стола и с её помощью, помогая себе ногтями, начал одну за другой отдирать фотографии.

К счастью, потолок был не слишком высоким, и Ли, благодаря своему росту, мог дотянуться до самых верхних рядов. Однако его надежда на то, что за каждым снимком скрывается текст, не оправдалась.

Он содрал уже больше сотни кадров, его пальцы были стерты в кровь, ногти обломаны, но обратные стороны оставались девственно чистыми. Тем не менее, Ли Цзяньчуань не сдавался. Его упорство было непоколебимым. Если зацепок нет на этой сотне, они найдутся на следующей.

Это было лучше, чем сидеть и ждать конца. Ли не верил, что эти изображения здесь только для атмосферы ужаса. Кнопка и собственные окровавленные пальцы — вот и всё его снаряжение, но он был намерен проверить каждый снимок.

Упорство принесло плоды.

Когда поверхность была почти пуста, Ли, чьи пальцы уже были стерты до костей, подцепил последнюю карточку. В этот момент изображение на ней начало медленно покрываться багровым цветом, словно заливаемое настоящей кровью.

Когда кровавая пелена сошла, проступили слова:

«Неделя 520. Подопытный отослан.

Кто-то полюбил подопытного.

Его возлюбленный готов заменить его и стать вечно не знающим покоя злым духом».

<http://bllate.org/book/15871/1442041>